

Алексей К. Смирнов

Можно

фантастические повести и рассказы

Алексей Смирнов

**Можно. Фантастические
повести и рассказы**

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Можно. Фантастические повести и рассказы / А. К. Смирнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850360-3

Повесть «Можно»: далекий постъядерный мир. Вечная война между черными снегами и подземным огнем. Сильнейшие побеждают и развлекаются. Повесть «СОС»: творческая компания молодых бездельников-«сосунов» ищет новые источники энергии для вдохновения — и, обретая, попадает в смертельную ловушку. Рассказы разных лет, в том числе — один из первых написанных.

ISBN 978-5-44-850360-3

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Повести	6
Можно	6
Краткое предисловие	6
1	6
2	9
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Можно Фантастические повести и рассказы

Алексей К. Смирнов

© Алексей К. Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4485-0360-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

Можно

Нарушение заповедей часто бывает лучшей теплицей для прорастания побега.

Густав Майринк «Зеленый лик»

Краткое предисловие

Ко времени описываемых событий все прашуры здешних героев будут непоправимо мертвы и, хочется верить, вычеркнуты из человеческой памяти. Эти имена забудутся и большей частью превратятся в пустые звуки. Через несколько лет многие из них никому ни о чем не скажут. Но мы не должны забывать о наследии и пренебрегать потомками, достойными своего прошлого. Прошу надзорные органы не усматривать в этом крамолы. Упомянутые мной имена не могут быть причиной преследования, ибо фигурантов не будет существовать, а нынешние по своему устройству не способны понести от написанного моральный ущерб. Это фантастическая история о далеком будущем.

1

Притащился запыхавшийся юноша Сомм:

– Там!..

Дряблые сальные щеки прыгали, перепончатые кисти тряслись. Рот неприлично округлился; короткая шея, казалось, вот-вот захрустит в попытке вытянуться. Свиные глазки полнились ужасом и надеждой. Он раскраснелся, но не от вечной зимы, к которой привык, не зная иного. Покрытый толстенной полуметаллической коростой, в десятке драных одежек, Сомм приплясывал и был готов обмочиться, перекатываясь на коротких, напоминающих плавники, а больше – рыбий хвост.

Посреди замороженного цеха щелкал костер.

Старый Соом оказался шустрее других и вскочил первым.

– Гасите!

Охтыжсом метнулся во тьму, через секунду вернулся с мятым и ржавым ведром. Он опрокинул его над костром. Мрак сомкнулся, едва собравшиеся успели увидеть взметнувшийся серый дым. Змеиное шипение прозвучало, как акустический аналог отточия или красной строки, открывающих короткий смертный абзац. Ледяной холод рванулся к пепелищу.

Сома толкнул Сомма к выходу.

Сомма любили, но по его слабоумию не нарекли звучным именем. Когда он, едва появившись во тьме, замыкал, все стало понятно всем. Соом хотел утопить его в этом самом ведре, которым пользовались для разных надобностей уже лет пятьдесят, но батя не позволил. Мамаша Соома валялась без чувств – так и не пришла в сознание; батя Дажсом поклялся, что Сомм не станет обузой. Он, его батя, все берет на себя.

Два года назад батя принял на себя выстрел из огнемёта. Сомм, схоронившийся в снегу под мертвым кустом светящегося лопуха, недоуменно смотрел, как бесшабашно пляшет объятый пламенем родитель.

– Уюююдо, рыба! – заголосили вокруг. – Сом! Сом!

Дети Сомы, кто в чем был, устремились к флуоресцирующей реке. Она никогда не замерзала, ибо была горяча. Усиленно дыша носами и ртами, кто их имел; готова скрипучие жабы, шлепая лапами по насту, они подскакивали и катились под спасительный откос, где над нестынувшей водой нависли черные корни гигантской ивы. Там хоронился Отец-Испытатель, Палач и Защитник, Хранитель Хога. Он достигал километра в длину, занимая значительную часть русла; лежал на дне, пошевеливая канатами усов – все познавший, ничего не видевший от слепоты, с постоянно разинутой пастью, которая обещала приют либо временный, либо вечный.

Ибо Ёна, учил старый Соом, побывал во чреве Сомы и спасся оттуда.

Сом тоже светился, но по личному усмотрению, и мог быть не виден Махогу, благо сливался со сверкающей рекой. Зубастые снежные грифы парили над пестрой толпой, валившей в омут; пятна желтые, пятна розовые, лиловые, голубые; море ночных огней стекалось под корни, ныряло, а вдалеке уже выло и визжало неживое. Сатана, будучи скован на тысячу лет, давно разорвал колдовские путы и совершал набег, калеча Сусовых детей, а чаще – разя их насмерть или увлекая в подземные чертоги для неведомых действий.

Соом, и Сомм, и Сомы, и Охтыжсом, и Воттежсом, и многие прочие потянулись в разъявленную пасть, где было не так светло, но намного теплее, чем на поверхности.

Там, наверху, радиоактивный город заплотнила стальная нечисть. Откуда ни возьмись, из-под дымящейся земли высверливались буры. Затем вступали в дело прожекторы: они веером рассылали мощные лучи, которые выхватывали понурые, ослепшие здания, ледовые и местами жаром пышущие улицы, изогнутые каркасы чего-то тысячелетнего. Летала крупная пыль – скорее, сажа. Взмывали неуклюжие птицы, разбегались огромные существа, сочетавшие в себе травоядность с хищничеством, поспешно расползались шестипалые ежи и ехидны, сокращались сороконожки толщиной в бедро какого-нибудь Сына Бобра. Из плешей земных, на какие и не подумаешь, вылезала никелированная материя, неживая, броня, нейтрализующая отраву, оцетинившаяся стволами, на гусеничных колесах, ходулях, крыльях, с винтами и соплами, с приуготовленными колючими сетями.

Начиналось избиение, но большей частью – ловля.

Дети Сомы догадывались, что им уготована особая участь – их, как непонятно выражались древние, оставляли на какое-то сладкое, ибо пришлось бы осушить реку и достичь Сомы, а что умел Сом, про то, наверно, не было ведомо и Махогу. Поэтому охотились на прочих Чад – Лосей, Вепрунов, Шатунов, Змееглавцев; хвостатых, рогатых и кольчатых, но Сом, как правило, пребывал в безопасности, и его род страдал по случайности – опять же взять сожженного Дажсома, который вылез некстати и стал идеальной мишенью.

Внутри Сомы было рельефно и скользко, в огромном желудке могла разместиться не одна колония, а двадцать. Желудочный сок пощипывал обнаженные части тела, покрытые, впрочем, защитной коростой, панцирями, броней, что была не настолько прочна, как у стальных и пластиковых Почвенников, но не давала кислоте разжесть подвижную, охочую до метаморфоз плоть, которая напоминала мясо омара. Сомм, всхлипывая, мчался в хвост; дурак дураком, перед лицом опасности он развивал немалую скорость – одно время плыл, как жаба; другое – перебирал ногами, едва касаясь складчатого дна. Вокруг бурлило, возникали здоровые пузыри: то были пищеварительные соки и газы Сомы.

Не отставал и староста Соом, резвый не по годам; он крепко держал под мышкой промасленную книгу Забытия, которую его предшественники завели в незапамятные времена и сразу же пропитали особыми веществами, благодаря которым написанное не размывалось, листы не горели, и только столетия темнили страницы, так что буквы, постепенно сменявшиеся закорючками, приходилось подновлять светящимися красками. Кое-что было вклеено много позже. Светящегося же вокруг, хвала Сусу, находилось в избытке. Сам Сом был освещен изнутри, и кто-то уже, различив уступ, обозначивший плотную печенку, хоронился под ним, подбирая ноги-ласты, выпучивал глаза, испуганно поглядывал вверх – не пронзят ли Сомы

до самого днища сатанинские световые резак. Сом лежал неподвижно, как мертвый. Отец-Испытатель тоже испытывал страх.

Соом придержал Сомма: довольно.

– Уже кишочник, – проскрежетал он – вернее, пробулькал, а больше просто обозначил тонкими губами незамысловатое объяснение.

Земноводный Сомм, раздувая жабры, огляделся; он постепенно пришел в себя и узнал рельеф: возвышенности, неровности, впадины – далекий холм сердца, высокий тяж спинной аорты, похожий на уложенный горизонтально водопроводный стояк; еще одно всхолмие поменьше – поджелудочную железу. Он помнил все названия, потому что был дурачком в гораздо меньшей мере, чем слыл; да, он мяукал, когда родился, но мало ли что делали в такой ситуации: случалось, что каркали и щебетали, мычали, шипели кобрами и раздували капюшоны, голосили дурным, мало походившим на человеческий голосом. Да, Сомм не был охотником к учению, особенно ненавидел цифры, но в общем и целом был достаточно смышлен, проворен и даже ладен собой по меркам Детей Сомы; пытливый, он вечно шлялся вне колонии, забредал далеко и кто, как не он, предупредил колонистов о нынешнем нашествии.

Грохот на поверхности проникал даже сквозь коросту Сомы.

– Перед Юдой угодничают, – качал головой староста, – Суса калечат, все ветви его, Бобров и Приматов, Коньков и Орлуш, но до Сомы не достают, ибо Ёна сидел во чреве, и претерпел, и уцелел, а Даниил из Детей Львятных не пожран был, и други его из Детей Огнедышащих не сгорели в печи...

Соом перестал булькать и перешел на ультразвук, разнося благую весть по Сому.

– Непобедим Сом, – завещал он. – Недосыгаем он, и не подвергнутся его дети распаду под жаром соков его...

Все старики претендуют на мудрость, но не каждый ее достигает. Старый Соом алкал ее до умоисступления; располагая сшитой по лоскутам и местами неведомо кем дописанной от руки книгой Забытия тысячелетней давности, он танцевал вокруг нее и плавал над нею; в минуты особого экстаза порывался жевать с краю или совершать с корешком сексуальный акт, где корешок тот бугрился, закруглялся и создавал отверстие; на сходах Детей Сомы Соом твердил одно: как прискакали могучие Дети Жеребца, четыре штуки, и все сгорело, и засияло, и стало неудержимо множиться, выражаясь в лапах, жабрах, жвалах, рогах, щупальцах и колоссальных размерах, и пала пыльная морозная тьма, ибо наступило счастливое царство ожившего Суса, которого предал нечестивый Юда, оно же Хог, а весь Махог с Сатаной во главе был загнан под землю и скован там на тысячу лет. Но вот срок истек, и Махог, поклонявшийся Юде и ненавидевший Суса, принялся за набеги, размножившись за это время в формах ужасных и металлических, разящих насмерть, но Сус даровал своим Чадам, в частности, Сому, а детям Орлуш, например, гигантского Орлана с размахом крыльев в половину версты – Соом не знал, что такое верста, но полеты Орлана видели все, а чрево Орлана вмещало четыре колонии душ, похожих на Детей Сомы, но пернатых и с зачатками крыльев. Соом не сомневался, что с годами – веками – орлята эти встанут на крыло. А у Детей Приматов имелись руки вчетверо больше тел и с десятью пальцами на каждой; и ноги, хоть и короткие, были такие же многопалые; для них не существовало Отца-Испытателя с вместительным чревом, зато летали они лучше Орлуш, ухватываясь за горячие, ровно светящиеся железные палки, что торчали из древних сооружений; неслись через площади и магистрали стремительно, едва уловимые в прицелы бронированных Почвенников. Их непонятливость сбивала с толку, но они не вкушали мясного и ели только плоды, которые всюду росли в изобилии, разных цветов и в рост едоков.

Соом все рассказывал о былом: про дочь Змеглавца с ядовитым плодом, от которого муж ее начал строить стальные буры и огнеметы; про Сына Медведя, который пожаловался матери на дерзких чужих детей – вероятно, Приматовых, и тех разорвали; про Юду, который

целовал самого Суса, а после выдал его Почвенникам, и Почвенники приколотили Суса к доскам, но Сус ожил и поменял обличие! – тут Староста воздевал перепончатую ладонь и обводил собрание победоносным взором.

– Как мы, – втолковывал он, хотя все уже слышали это много, много раз, но все равно ликовали, – ибо мы были подобны Почвенникам, но вот пришел Сусов суд, и все зажглось, и многие истребились, однако достойные возымели отличия... по коленам своим и родам, и перышки, – сладко заговорил-засюсюкал Соом, – и жаберки, и хвостики, и рожки... И только Дети Юды, Почвенники, низвергнуты были под землю в неизменном виде, и ежели одобрать их, лишить одежд, то омерзительны они, наги и отвратительно гладки, скользки, и света не дают, и гибнут от благодного Сусова духа, который невидим, но пронизывает все, от черных небес до последней песчинки, и греет нас, и охлаждает, и питает плодами....

Да, в книге Забытия имелись позднейшие вставки из каких-то других источников – подклеенные, вшитые; однако Соом, который, как все старики, принимал на веру чересчур многое, если не все, и считал, что всякий текст книги что-нибудь важное да означает, исправно читал подряд. Орфография и сюжеты основатель но изменились.

...По Сому пробежала волна: он изготовился рыгнуть, благо сверху наконец установилась тишина.

– Воспомним Ёну! – пробулькал староста, заблаговременно ложась на курс.

Сом дрогнул, изрыгнул своих блудных детей, и в воду пробкой вылетел фосфоресцирующий ком. Распавшись, он устремился к поверхности; оттуда Дети Сома поползли на берег, как было сотни миллионов лет назад. Вот суша, мокрый песок, и на нем остаются следы, похожие на лягушачьи. Вот пригорок. Вот Сын Жеребца, который возвышается там, расставив копыта и снисходительно улыбается. В мозолистых лапищах у него дымящаяся железная труба. Он встряхивает гривой и кивает на серебристую бочку с замершим буром на оконечности и бездействующим огнеметом. С бочки еще комьями опадает земля. Ни звука не доносится изнутри, но ясно, что она не пустует.

– Учитесь, земноводные! – ржет Сын Жеребца.

По воде бежит рябь: Сом восстанавливается после приступа поноса и тошноты.

2

Землеход не уступал размерами доброй трети Сома. Так показалось собравшимся; на самом деле он был, конечно, гораздо меньше. Сын Жеребца победоносно скалился и расхаживал вокруг. Он возбужденно помахивал хвостом, обнажая огромные морщинистые ядра. Соом топтался на месте, не осмеливаясь подойти к изделию Почвенников. Сомм оказался смелее: шагнул вперед и протянул руку, чтобы потрогать тускло сверкающий металл.

Его сородичи нестройным хором вскричали:

– Не трожь!

– Пусть потрогает, – возразил Жереб. И звонко лягнул землеход ради общего утешения и гарантии безопасности.

Староста нервно огляделся по сторонам, оценивая нанесенные Почвенниками ущерб. Тот оказался на удивление невелик: несколько срезанных металлоконструкций – рам, балок и стрел; болталась наружная лестница, угол которой вырвали с каменным мясом. Как обычно, что-то горело: в полуверсте от берега поднимался столб черного дыма, но только один. Покойников не было. Невдалеке зияла яма, откуда вывинтился сбитый снаряд.

– Пролетел самую малость, – объяснил Жереб. – А тут и я.

– Чем ты его? – благоговейно спросил Дажсом.

Жереб показал трубу. Навел ее на покалеченную лестницу и передернул звено. Слепительный луч распорол ржавое железо, и лестница с грохотом рухнула в светящийся мусор.

– Это ихнее, – сказал Жереб. – Обронили с месяц назад, когда удирали. Я взял. Пока учился, отрезал ноги Коню, провались оно пропадом. Конь выдюжил, мы его прижгли, схоронили. Ну, не насмерть. Жрет теперь за целый табун и разжирел за месяц праздной сытости

В своих высказываниях разнообразные Чада, всех видов и со всеми невозможными речевыми аппаратами выражались приблизительно одинаково, худо-бедно понимая взаимное кваканье, карканье, ржанье, зуй, шипение и лай – проклятое, но удобное наследие Почвенников, плюс коллективные чтения всеведущей книги Соома. Попадались даже такие, что прочитывали некоторые надписи, хотя бы и выжженные дотла. Совсем уже редкие знали названия укрытий, где таились ночью и днем.

Сомм все-таки прикоснулся к землеходу. Тот был теплым, и чувствительная перепонка уловила слабейшее колебание, словно плод, еще очень маленький, толкнулся ножкой в материнский живот. Правда, Сомм ничего про такое не знал, только про икру.

– Там кто-то есть, – квакнул он сдавленно.

– Еще бы не быть, – усмехнулся Жереб. – Сейчас вынем!

Дети Сома с готовностью обступили вражеский транспорт. Но решительность через минуту сменилась растерянностью, потому что никто не представлял, как к нему подступиться. Капсула была гладкой, без единого зазора; ни щелок, ни выступов, нечего поддеть ломиком.

– Как ты его завалил? – спросил Сом-Соом-Сом. – На нем ни царапины.

– Почем мне знать? Нацелил эту штуку, слева направо провел, он и рухнул.

– Штука твоя сильно яркая. Небось ослепил ездока, и он навернулся. Сейчас оклемается и взлетит! От нас останется туман...

Строй их речи был не настолько упорядочен и подводится к норме из соображений постижимости.

– А как оно видит? – спросила любопытная Сома. – Ни дырочки! И выстрелить неоткуда.

Холодало все яростнее, из рыбьих пастей валил солоноватый пар. Много где было и жарко, но туда не отваживались идти: могли затянуться жабры, отсохнуть ласты, поредеть чешуя. Могли наступить слепота, глухота, немота и бешенство с совокупительной разнузданностью. От последней страдали все, даже Дети осторожных Тараканов, Клопов и гигантских Мух. Их и так поедали за почти полным отсутствием других насекомых.

– Кто его знает!

– Что делать-то будем?

Посыпались идиотские, предсказуемые предложения: скатить в реку, развести костер.

– Бросьте, – махнул рукой Сом-Соом-Сом. – Что ему река? Он под землей находился. И огонь его не возьмет.

– В Соме разогреется, – возразил кто-то.

– Он и так раскаленный был, – сказал Жереб. – Сейчас остывает. Небось там какая-нибудь прокладка, чтобы не зажариться.

– Палками бить, – предложил дюжий Сомс. – Пусть рехнется от грохота.

Это показалось делом более здравым, но утомительным и долгим, хотя Жереб для порядка подпрыгнул и ударил в землеход мохнатыми копытами.

– Голодом уморить, – задумчиво произнес Соом.

– Там может быть еда, – помотал гривой Жереб, внезапно обнаружив нетравоядную смекалку. – И снадобья. А главное, за ним могут пожаловать. Может быть, прямо сейчас! Выручать товарища. Вот выползет штук десять таких же, где мы стоим, и посечет нас напополам.

– В конце концов он здесь замерзнет – прочавкала сердобольная Сома. – Давайте откатим его в Этажи. В подполье. Там жарко, а думать будем потом...

Этажами называли остов строения, от которого остались лишь сваи, балки и кое-где – перекрытия; крышу снесло, помещения выгорели; изначально этажей было намного больше, но сколько – никто не знал; верхние снесло, когда явился Сус вершить расправу, и теперь они

покоились рядом, образовав мерцающую гору, вокруг которой буйно разрослись гигантские морозоустойчивые папоротники и лопухи. Но цокольный этаж сохранился; там даже стояли проржавевшие колесницы с обтекаемыми формами, дверцами, и разные Дети там иногда ночевали. Иногда – исчезали. Это было крайне опасное место, поскольку Почвенники, совершая вылазки, чаще направлялись первым делом туда, однако Дети об этом знали, и враг ни разу никого не застиг. Оно наполнилось невидимым ядом, и там не стоило задерживаться. Но да, там было гораздо жарче, нежели снаружи.

– Кликни своих, – попросил Соом Жереба.

– Зачем?

– Пишут, что в старину таких запрягали.

Дело было дней столь далеких, что Жереб не оскорбился. Но звать никого не стал.

– Да я и один сдюжу, – заявил он. – Вы только сзади приналягте.

Опасаясь возвращения Почвенников и потому суется, землеход наскоро обмотали проволокой и тросами, которых было много припасено неизвестно ради чего – и вот пригодились; десятки перепончатых ладоней уперлись в теплый металлический бок, а Жереб, издавши задорное ржание, напрягся и дернул. На конский манер сразу и опозорился. Сосуд с начинкой медленно перекатился. На лбу Жереба вздулись лиловые жилы, копыта зарылись в пепел и почву.

– Наддайте, – прохрипел он.

Под ноги ему закапали горошины светящегося пота.

– Тяни! – отозвался Дажсом. – От Хога – Махогу! Поднажмем, братья!

– Именем Суса! – подхватил Соом, который по дряхлости не участвовал в затее, да и драгоценная книга мешала ему толком упереться. Он приплясывал сзади на раздвоенном до паха хвосте пуча глаза.

Юный Сомм старался пуще других. Во-первых, он был молод и крепок. Во-вторых, сгорал от любопытства. В третьих, разжегся непреклонным намерением рассчитаться с Махогом за родителя. Его широкий рот приоткрылся, потекли вязкие слюны. Непроизвольно стрельнул язык, которым Сомм в минуты праздности ловил себе в пищу мух, что поменьше – мальков, ибо взрослые были с кулак, и такими не составляло труда подавиться.

– Да вы совсем не толкаете, – обиженно выдавил Жереб, озираясь.

Не успел он договорить, как снаряд мерно загудел. Все отпрянули, в ужасе наблюдая, как начинает поворачиваться коническая верхушка. Только что Дети Сомы мечтали откупорить эту штуку, и вот они содрогаются, глядя, как конус начинает выдвигаться на толстой цилиндрической ноге; нога же имеет круглые матовые оконца не то для обзора, не то для стрельбы. Ее диаметр был немного меньше окружности корпуса; по сути, землеход выворачивался наизнанку, готовясь опорожниться – делал примерно то же, что только что предпринял Сом. Вскоре показался едва очерченный продолговатый люк.

– Вооружайтесь, – проквакал Соом, прижимая к груди фолиант. – Мы не успеем разбежаться. Хватайте, что попадется под руку, и сразу бейте.

Сомм поискал глазами, заметил какой-то черный железный штырь с резьбой. Подобрал, взвесил в руке. Он не привык сражаться. Никто из Детей Сомы не числился в бойцах. Да и Жереб, если на то пошло, не отличался воинственностью, хотя и позволил себе выстрелить в посланца Почвы. Это граничило с шалостью, мелкой пакостью из-за угла. Едва такой снаряд, неведомой силой движимый, зависал над табуном Детей Жеребца, тот разбежался врассыпную, не помышляя об отпоре, и так бывало со всеми Детями. Они, ютившиеся в посланных Сусом пещерах, лишь хорохорились в грезах, не решаясь на кровопролитие. Но Сомм, очевидно, просто не успел выпрямиться, ибо привычно опорожнялся лежа на боку, и если бы сопла – Дети Сомы не знали, что это сопла – включились, то лишь погнали бы его по дымящейся, заваленной

каменным и металлическим хламом почве. А значит, наружу выберется собственной персоной Почвенник.

Которого никто из живых ни разу не видел вблизи. Кто наблюдал вплотную, тот сгинул, а издали запомнились только серебряные фигурки с аккуратными непроницаемыми шарами вместо голов.

Цилиндрическая нога остановилась. Казалось, что из корпуса вырос толстый гриб.

– Что твой елдак, – хмыкнул старый похабник Трисом.

Сомм невольно засмеялся, но быстро осекся среди общей напряженной тишины. Обоих никто не одернул. Сомма считали недалеким, взять с него было нечего, а от Трисома можно было получить пространный ответ в выражениях, которых никто из Детей Сома часто не понимал, но общий посыл улавливал.

Люк, оказавшийся скорее шторкой, пускай и чрезвычайно прочной, поехал вверх.

Из отверстия высунулась трясушаяся рука. Без перепонки, когтей и шерсти. Пальцев – пять штук. Все окровавлены.

3

Почвенник был женского пола. Это немедленно стало доводом в его защиту, ибо дети всех тварей, населявшие царство Суса, благоговейно относились к самкам как собственным, так и вообще любым, включая животных, даже насекомых; последние достигали такого размера, что пол удавалось распознать без труда. Самки работали в поте лица, рожая Сусу, ибо заповедовал Сус, большая часть приплода жила от силы часы. Что-нибудь вечно оказывалось негодным: то вместо кожи или шкуры – прозрачная пленка, сквозь которую просвечивали потроха; то не было конечностей, то головы продолжались туловищем величиной с ладонь, а еще бывало, что зияли черепа, заполненные водой, которая немедленно вытекала, а с нею, как догадывались окружающие, все зачаточные мысли. Так, слюнявый недоумок Сомм считался очень удачным экземпляром, способным производить потомство и усваивать книгу Забытия. Да если повториться, то не так уж он был и глуп, поразумнее многих – разве ляпнет что или перднет для смеху, а косорукость и неумение что-либо смастерить встречались и у толковых детей Сома. И Сомм первым выронил свой штырь при виде женщины.

Та, шаря ладонью по цилиндру, уперлась и высунула голову. Шара не было, голый череп. То есть не голая, а с долгой русой гривой, которая рассыпалась по плечам и наполовину закрыла лицо. Вот оно было голый. По лбу тянулась кровотокающая ссадина, кровь заливала правый глаз, левый скрывался за прядью. Рывок исчерпал силы подземной самки. Она прерывисто выдохнула и замерла. Собравшиеся стояли столбом и не смели приблизиться. Наружность пришелицы ошарашивала и отвращала. Обнаженная кожа, которая не защищала ни от чего. И правильные черты. Правильные некогда. Детям Суса время от времени попадались изображения тех, кто жил до прихода четырех отпрысков Жеребца и всемирного пламени. Все это были, как они знали, былые и будущие прислужники Махога, поклонники Юды, которые отправились к раскованному Сатане. С тех пор понятие нормы исчезло. Нормой было все, что умело жить, передвигаться, принимать пищу, размножаться и общаться с себе, если так можно выразиться, подобными, так как подобия зачастую не было в помине.

Та, что явилась из почвы, что-то пробормотала. Никто не понял. Она повторила громче, настойчивее. Дети Сома переглянулись. Язык был незнакомый, хотя не казался напрочь чуждым. Молящая интонация, построение фразы, многие звуки – нет, никто и не слышал о таких вещах, но все уловили нечто смутно знакомое и привычное. Чем пользовались все. Впрочем, догадаться о смысле было не трудно.

– Да, все равно она тут помрет, – совершенно здраво рассудил старый Соом. – Вон кожа какая. Не зря же они сидят под землей. Черное небо Суса обуглит эту нечисть.

Все невольно подняли глаза на мрачные небеса, чьих было царствие.

Но самки не разделяли мужского трепета перед своими особами. Только что добрая Сомма шагнула вперед и плюнула в окровавленное лицо. Затем подобрала брошенный Соммом штырь.

– Давайте, спасайте, – процедила она. – Я сама загоню ей это в дупло.

Очевидно, белокожая поняла. Она сперва инстинктивно подалась назад, но тут же скривилась от боли и дернулась наружу – наверно, внутри ей что-то сильно мешало: придавило или прищемило. Глаза расширились. И Сомм, вообще не сознавая, что творит, вдруг сделал шаг вперед и взял ее за удивительно мягкую руку. По лицу самки пробежала будто бы рябь. Рука была теплой; чешуйчатая, почти бронированная ладошка Сомма – холодной. Но Сомм ничего не заметил. Он осторожно потянул. Самка собралась с силами, уперлась ногами во что-то невидимое, сдвинула брови. Произнесла какое-то слово. Смахивало на команду. Сомм дернул, и она выскользнула на половину корпуса. Одежда, как и предполагали собравшиеся, была серебристой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.